

АНАЛИТИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-115-140

УДК 141.4

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАТРИСТИКА И МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТОЧКИ ВЗАИМОПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Лоскутов Юрий Викторович,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии

Пермского государственного национального

исследовательского университета,

Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-4678-3357

yuri-loskutov@mail.ru

Аннотация

В статье сопоставляются взгляды православной патристики с философией марксизма. Речь идет о содержании марксистской философской теории, а не об ее идеологическом оформлении. Указанное сопоставление происходит в трех ключевых аспектах: общефилософском (основной вопрос философии, эволюционизм), социально-философском (основной вопрос социальной философии, частная и общественная собственность, эксплуатация труда) и этическом (свобода морального выбора, нравственный прогресс). В связи с меньшей по сравнению с марксизмом известностью патристики акцент в статье сделан на изложении ее идей. Показано, что у патристики и марксизма есть множество общих или, по крайней мере, совместимых мировоззренческих тезисов. Рассмотрению этих «точек взаимопересечения» уделено в статье преимущественное внимание. Делается вывод о том, что общая философия марксизма (диалектический материализм), марксистская социальная философия (исторический материализм) и марксистская этика являются совместимыми с аутентичным православным мировоззрением в рамках единого культурного пространства. Данный вывод имеет большое теоретическое и практическое значение в рамках теории и практики реального гуманизма, он позволяет наладить конструктивный мировоззренческий диалог между различными частями российского общества.

Ключевые слова: патристика, православие, марксизм, эволюционизм, собственность, эксплуатация труда, мораль.

Библиографическое описание для цитирования:

Лоскутов Ю.В. Православная патристика и марксистская философия: точки взаимопересечения // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 2. – С. 115–140. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-115-140.

Введение

Основным тезисом данной статьи является утверждение принципиальной совместимости в рамках теории и практики реального гуманизма двух самостоятельных духовных начал – православной патристики и современного материализма, выраженного в марксистской философской традиции. Принято считать, что православие и марксизм – это разнородные духовные явления: одно – религиозное, а другое – светское; одно в своей сердцевине – мистическое, другое же – научное; одно опирается на откровение, другое – на знание, и т. д. Невозможно создать православно-марксистский мировоззренческий «гибрид», но уместно поставить вопрос о возможности налаживания плодотворного диалога между этими двумя духовными феноменами.

Почему такой диалог возможен? С одной стороны, современный материализм ушел далеко вперед по сравнению со своими материалистическими предшественниками, принципиально несовместимыми с православием. Так, он включил в себя доказательства качественного отличия материальности человека от материальности животного, представления о принципиальной важности развития духовного мира личности и т. д. С другой стороны, православное богословие, в отличие от западного богословского «мейнстрима», не стоит на философских позициях, несовместимых с материализмом в любой его форме. Вопрос о соотношении христианства и марксизма требует прояснения патристических основ христианского богословия, в то время как «теология освобождения» рассматривает этот вопрос во многом с позиций богословского модернизма [6, 7].

Почему указанный диалог не просто возможен, а необходим? И православие, и марксизм имеют всемирно-историческое значение, но так исторически сложилось, что свою особую актуальность они обрели в русской духовной культуре. Конфронтация между аутентичным православием и марксизмом – это разрыв русского культурного пространства, болезненное травмирование русской духовности, искусственное и во многом неоправданное изолирование друг от друга ее смыслообразующих полюсов, чреватое мировоззренческим расколом нашего народа. В конце концов, православные и марксисты должны научиться мирному сосуществованию после их трагических конфликтов друг с другом, случившихся в отечественной истории.

Отметим, что речь здесь идет именно о содержании марксистской философской теории, а не об ее идеологическом оформлении, которое зачастую не соответствует указанному содержанию. Отказ от перманентного неприятия религии ясно вытекает из марксистского требования конкретно-исторического подхода к надстроечным социальным явлениям, в том

числе и к религиозным [21]. Религия, в ее научном марксистском понимании, является конкретно-историческим феноменом, обладающим большим разнообразием форм, нередко противостоящих друг другу в общественных процессах. В конкретных исторических столкновениях те или иные проявления религии выражают либо интересы эксплуататоров, либо интересы эксплуатируемых; способствуют либо просвещению, либо мракобесию и т. д. Это противоречивое многообразие религиозной культуры особенно заметно для исследователя истории Средних веков, но и другие исторические эпохи отмечены данным феноменом.

«Точки взаимопересечения» между православной патристикой и марксистской философией можно исследовать в трех аспектах: общепhilosophическом, социально-philosophическом и этическом. В силу меньшей по сравнению с марксизмом известности содержания патристики акцент будет сделан на изложении патристических идей.

1. Общепhilosophический аспект

Марксистская философия, будучи современной формой материализма, несовместима с философским идеализмом. Кроме того, в рамках философской онтологии не может быть никакой «третьей партии», стоящей над идеализмом и материализмом. Однако православное богословие, не будучи философской онтологией, выходит за рамки философской партийности. Дело в том, что православное богословие, в отличие от западной богословской традиции, отдает приоритет апофатике («подобает... отъятия предпочитать прибавлениям» [10, с. 749]), и потому оно не может быть однозначно «привязано» ни к объективному идеализму, ни к какой-либо другой философской позиции. Основной вопрос философии в его современной формулировке – это вопрос об отношении сознания к материи, но ключевой для понимания патристики трактат «О мистическом богословии» из цикла «Ареопагитики» указывает на то, что Бог в своей сущности не является ни материей, ни сознанием: «Ничем из умственного не является, превосходя его, Причина всего умственного. Далее восходя, говорим, что Она – не душа, не ум; ни воображения, или мнения, или слова, или разумения Она не имеет; и Она не есть ни слово, ни мысль... Она не есть дух в известном нам смысле» [Там же, с. 759]. Таким образом, православное богословие в самой своей сути не является объективным идеализмом. Но и «Ничем из чувственного не является, превосходя его, Причина всего чувственного. Итак, мы утверждаем, что Причина всего, будучи выше всего... не есть тело; не имеет ни образа, ни вида, ни качества, или количества, или величины... и воспринимаемой не является» [Там же, с. 757]. Следовательно, православное богословие не является и материализмом. О субъективном идеализме в православной догматике не может быть и

речи, ибо Христос, согласно этой догматике, был распят телесно и страдал на кресте отнюдь не только лишь в субъективном представлении.

Православное богословие выходит не только за границы философской онтологии, но и за границы гносеологии. С одной стороны, оно не проявляет гносеологического оптимизма в отношении познания сущности Причины всего сущего. Трактат «О мистическом богословии» в этом вопросе вполне категоричен: «Она и словом не выразима, и не уразумеваема» [10, с. 759]. С другой стороны, свт. Григорий Палама, комментируя «Ареопагитики», отмечает: «Сам себя превосходит не только ангельский, а и человеческий ум, когда становится подобен ангелам бесстрашием; значит, он тоже может прикоснуться к Божьему свету и удостоиться сверхприродного богоявления, сущности Божией конечно не видя, но Бога в Его Божественном проявлении, соразмерном человеческой способности видеть, – видя. И не отрицательно, потому что ведь видит же, а сверх отрицания, потому что Бог выше не только знания, но и непознаваемости» [8, с. 66–67]. Преподобный Иоанн Дамаскин так резюмирует православную позицию в отношении познания Бога: «Он открыл то, что узнать нам было полезно; а о том, что мы не смогли бы вместить, умолчал. Да удовольствуемся этим и да пребудем на том, не прелагая предел вечных и не преступая Божественного предания» [12, с. 157]. Итак, с православной точки зрения сущность Бога (в отличие от сущности мира и человека) рационально непостижима – сводить сущность разумного Бога к сознанию столь же неуместно, как и сводить к сознанию сущность разумного человека.

Философия и богословие обладают разными объектами исследования (у философии – человек и мир, у богословия – представления о Боге) и разными способами размышления (у философии – опора на человеческий ум, на доказательность, у богословия – опора на Божественное откровение). Поскольку православное богословие не является философским идеализмом и вообще стоит над основным вопросом философии, постольку принцип философской партийности не содержит запрета на совмещение православия и материализма в рамках единого культурного пространства.

Более того, православное богословие в одном пункте пересекается даже с атеизмом. Трактат «О Божественных именах» из цикла «Ареопагитики» содержит такие рассуждения о Боге: «Его же Самого не было, не будет и не бывало, Он не возникал и не возникнет, и – более того – Его нет» [9, с. 413]. Тем не менее эта цитата продолжается отнюдь не в атеистическом духе: «Но Он Сам представляет Собою бытие для сущих; и не только сущие, но и само бытие сущих – от предвечно Сущего, ибо Он Сам есть Век веков, пребывающий до веков» [Там же]. Патристика провозглашает, что Бог не существует в качестве материального либо идеального предмета, ибо Творец – не тварь. Таким образом, с православной точки зрения

атеизм снят и обезоружен православной апофатикой, представляя собой всего лишь мировоззренческую «изнанку» последней.

Хотя православное богословие не содержит формальных запретов ни на свое совмещение с философским материализмом, ни на свое совмещение с философским идеализмом, эти две философские партии отнюдь не равнозначны в отношении к православному мировоззрению. Традиционно считается, что идеализм гораздо «православнее» материализма, но это не более чем предрассудок. Критика в адрес материализма со стороны тех, кто считает себя православными, инспирирована влиянием католического и протестантского богословия, имеющего преимущественно катафатический и философско-идеалистический характер. Марксистская онтология не знает категории «Бог», но представления о Боге и не являются категорией, в силу чего они «оставляются за скобками» не только научной разновидностью философии, но и любой наукой. Это необязательно является атеистическим отрицанием; это может быть просто молчанием о Боге, которое выступает не только признаком научной строгости, но и признаком благочестивого поведения – ведь материалисты, как правило, «не упоминают Бога всуе», в отличие от многих религиозных философов. Между прочим, апофатика склоняется именно к молчанию, а не к многословию: «Неизменные таинства богословия, окутанные пресветлым мраком сокровенно таинственного молчания, в глубочайшей тьме пресветейшим образом сияют» (трактат «О мистическом богословии») [10, с. 737]. Молчаний о Боге не богохульствующий материализм своим молчанием избегает богословских ересей, рассадником которых зачастую выступает философский идеализм. Так, например, платоновская объективно-идеалистическая философская традиция в лице Оригена, Иоанна Итала и Варлаама была трижды анафематствована православными соборами [19, с. 860–865, 892–899]. В последние несколько веков практически все те ведущие философы-идеалисты, которые считали себя христианами, основательно расходились с патристикой в трактовке тех или иных догматических вопросов.

С современным материализмом роднит патристику также и мировоззренческий выход за рамки начала физического мира, убежденность в бесконечности существования объективной реальности. Святитель Василий Великий, рассуждая об ангелах в первой беседе на Шестоднев, постулирует наличие (еще до возникновения знакомого нам физического мира) некоего вечного состояния реальности, находящегося вне физического времени: «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира; но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся» [4, с. 219].

Марксизм немыслим без эволюционизма. Последний сегодня является практически общепринятым взглядом на мир не только в материалистической философии, но и в биологии, геологии, космологии, других научных дисциплинах – взглядом, у которого нет сколько-нибудь серьезных научных альтернатив. В основе эволюционного подхода в биологии и других естественных науках лежит научная методология, тогда как в основе так называемого «научного креационизма» (на самом деле ненаучного), позиционирующего себя в качестве альтернативы эволюционизму, находятся мистические откровения адвентистов [23]. Характер связи православного богословия с эволюционной теорией – вопрос открытый и требующий отдельного рассмотрения, но здесь можно отметить, что прп. Иоанн Дамаскин выдвигает следующие тезисы.

1. «Всё сущее или сотворено, или несотворено. Итак, если сотворено, то, конечно, и изменчиво, ибо чье бытие началось с превращения, то безусловно будет подлежать превращению... Посему кто не согласится, что всё сущее, то, что воспринимается нашим чувством, – но также и ангелы, – превращается, и изменяется, и многообразно движется, и переменяется?» [12, с. 159–160].

2. «Нужно знать, что человек имеет общее и с неодушевленными предметами, и участвует в жизни бессловесных существ, и причастен к мышлению разумных существ. Ибо с неодушевленными предметами он имеет общее со стороны своего тела и соединения из четырех стихий; а с растениями как в этом отношении, так и со стороны силы питающей и возрастной, и семенной или порождающей, с бессловесными же существами имеет общее и в этом, а сверх того, в желаниии, то есть гнев и похоти, и в ощущении, и в движении по устремлению» [Там же, с. 210–211].

3. «Действие есть деятельное движение природы; а деятельным называется то, что движется само собою» [Там же, с. 223].

Данные тезисы вполне соответствуют идее эволюции. Можно, конечно, привести тезисы других представителей патристики, несовместимые с этой идеей, но и те и другие высказывания – всего лишь частные богословские мнения, не имеющие в православии соборного (общеобязательного) статуса.

Что же касается вопроса о происхождении человека, то «научно-креационистские» любители указывать Богу, как именно надо было и как не надо сотворить человека из «праха земного», порицаются апостолом Павлом: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?”» (Рим 9:20). Каким конкретно образом, через какие эмпирически достоверные конкретные этапы шел генезис человека – это вопрос, который Писание, не будучи научным трактатом, оставило открытым для научной интерпретации.

2. Социально-философский аспект

Социально-философский аспект патристики также во многом родственен марксизму. Сегодня религиозные философы особенно часто «поминают Господа всеу» тогда, когда говорят об истории – и это при том, что, согласно апостолу Павлу (Рим 11:33), пути Бога «неисследимы» (т. е. они не могут быть исследованы, ибо нельзя даже увидеть их след). А раз они неисследимы, то самым адекватным и благочестивым объяснением исторического процесса является для современного христианина такое, где пути Господни не затрагиваются никак, т. е. объяснение, соответствующее историческому материализму.

В.И. Ленин написал на полях гегелевских рассуждений об орудиях труда следующую фразу: «Зачатки исторического материализма у Гегеля» [18, с. 171]. Однако «зачатки исторического материализма» встречаются задолго до Гегеля – например, у прп. Иоанна Дамаскина: «Сам действующий и поступающий человек есть начало своих собственных действий... Сверх того, если человек не есть начало никакого деяния, то напрасна способность советоваться... Ибо всякое совещание происходит ради действия» [12, с. 226]. Еще один «зачаток исторического материализма» имеется у свт. Григория Паламы: «Мы называем истинным воззрением не знание, добываемое рассуждениями и умозаключениями, а знание, являемое делами и жизнью, единственное не просто истинное, но прочное и непоколебимое: ведь, как говорится, всякое слово борется со словом, но какое – с жизнью?» [8, с. 79].

В святоотеческом наследии содержатся положения, несовместимые с классовым характером общества, и прежде всего – с частной собственностью и эксплуатацией труда.

Проблема собственности – это не только экономическая и правовая, но и моральная проблема. С православной (равно как и с марксистской) точки зрения человек безусловно предпочтительней вещи, и в христианстве это продиктовано любовью как главным выражением христианской морали. Святитель Иоанн Златоуст констатирует: «Желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходит не от иного чего, как от того, что любовь охладела» [13, с. 153].

Православное отношение к частному накоплению имущества наиболее емко выражено в евангельской притче о богатом юноше, которому Христос посоветовал продать имение и раздать нищим полученные средства (Мф 19:20-26). В рамках православия сформировались два взгляда на трактовку данного евангельского эпизода. Первый был высказан в III в. пресвитером Климентом Александрийским (он не был канонизирован Церковью) в сочинении «Кто из богатых спасется». С точки зрения Климента,

повеление Христа юноше следует понимать аллегорически. Частная собственность – это вообще не проблема для христиан, нравственную проблему представляет для них в рассматриваемом вопросе исключительно любостяжание [17, с. 247–250].

Популярная сегодня позиция Климента Александрийского не получила широкого и безоговорочного признания в эпоху расцвета патристики; альтернативный (не аллегорический, а буквальный) взгляд на евангельскую притчу о богатом юноше представлен позицией ряда святых отцов, включая и тех, кого в православии принято называть великими. При этом точка зрения Климента не отвергалась святыми отцами всецело, но трактовалась ими как относящаяся лишь к первому этапу становления христианина [24]. Святитель Иоанн Златоуст, комментируя притчу о богатом юноше, замечает: «Юноша сам себя обличил в пустом самодовольстве: ведь если он жил в таком изобилии, а других, находившихся в бедности, презирал, то как же он мог сказать, что возлюбил ближнего?» [15, с. 262]. Святитель Василий Великий, комментируя эту же притчу, солидарен со Златоустом: «Если б справедливо было утверждаемое тобою, что от юности сохранил ты заповедь любви, и столько же воздавал каждому, сколько и себе: то откуда у тебя такое огромное имение?.. Кто любит ближнего, как самого себя, тот ничего не имеет у себя излишнего перед ближним... Чем больше у тебя богатства, тем меньше в тебе любви» [2, с. 631]. Согласно традиции великих святителей трактует эпизод с богатым юношей и блаженный Феофилакт Болгарский: «Кто любит ближнего, как самого себя, тот не может быть богаче ближнего. Ближний же – всякий человек» [25, с. 146].

Святитель Василий Великий подчеркивает ненадежность частной собственности, ее неукорененность в человеческой природе: «Ни одна из приятностей сей жизни, для которых большая часть людей сходят с ума, не наша или не может стать действительно нашею, но для всех равно оказывается чуждою, так же для наслаждающихся, по-видимому, как и для тех, которые вовсе к этому не приближаются. Ибо, если иные собрали в сей жизни несметное множество золота, оно не остается навсегда их собственностью, но или еще при жизни их, как бы крепко ни запирали отовсюду, ускользает, переходя к сильнейшим, или оставляет их при смерти и не хочет идти вслед за своими обладателями... И если бы кто приобрел тысячи десятин земли, великолепные дома, стада животных всякого рода, облечен был у людей всяким владычеством, то не век будет наслаждаться этим, но, ненадолго попользовавшись от сего именитостию, другим опять уступит свое богатство, сам покрывшись малым количеством земли, а нередко и до гроба, до переселения своего отсюда, увидит, что имущество его переходит к другим, и, может быть, к врагам» [3, с. 713–714].

Беседа святителя Василия Великого «К обогащающимся» выглядит сегодня как антикапиталистический памфлет: «Что будешь отвечать Судии ты, который одеваешь тканями стены, а не оденешь человека; убираешь коней, а равнодушно смотришь на брата, одетого гнусно; даешь гнить пшенице, а не питаешь алчущих; зарываешь в землю золото, а утесненного оставляешь без внимания?.. Один твой перстень сколько человек может освободить от долгов? Сколько поправить падающих домов? Один сундук твой с одеждами может одеть целый народ, цепенеющий от холода... Но ты называешь себя бедным; и я соглашаюсь. Точно тот беден, кто нуждается во многом. А нуждающимися во многом делает вас ненасытность пожеланий. К десяти талантам стараешься приложить другие десять; а когда стало двадцать, домогаешься еще двадцати; и непрестанно прилагаемое не останавливает стремления, а только разжигает желание... Есть у тебя такое-то число десятин обработанной земли, и еще такое же число земли, заросшей лесом, горы, равнины, овраги, реки, луга. Что ж после сего? Не всего ли три локтя земли ожидают тебя? Не достаточно ли будет тяжести немногих камней, чтоб охранять жалкую плоть?.. Долго ли богатству служить предлогом к войнам, ковать оружия, изощрять мечи? Ради его родные не знают естественных уз, братья смотрят друг на друга убийством. Ради богатства пустыни питают в себе убийц, море – разбойников, города – ябедников. Кто отец лжи? Кто виновник ложных подписей? Кто породил клятвопреступление? Не богатство ли? Не старание ли о богатстве? Что с вами делается, люди?» [2, с. 633–636].

Преподобный Симеон Новый Богослов решительно критикует социальный порядок, опирающийся на частную собственность: «Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было... Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования... Тот, кто раздает всем из собранных себе денег, не должен получать за это награды, но скорее остается виновным в том, что он до этого времени несправедливо лишил их других. Более того, он виновен в

потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от холода и голода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать» [5, с. 416, 417].

Святые Отцы не ограничились критикой частнособственнических отношений, но предложили и положительную программу устройства собственности. Эта программа опирается на Деяния святых апостолов: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но всё у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян 4:32, 34, 35).

Святитель Иоанн Златоуст в Беседе 12 на Первое послание к Тимофею отстаивает идею общественной собственности: «Не Божия ли земля и исполнение ея? Поэтому, если наши блага принадлежат общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем. Разве мы не видим такого устройства в больших домах? Именно, всем поровну выдается определенное количество хлеба, потому что он исходит из житниц домохозяина: дом господский открыт для всех. И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежат всем; мы все в равной мере пользуемся ими. Посмотри на строительство Божие. Он сотворил некоторые предметы общими для всех, чтобы, хотя таким образом, пристыдить человеческий род, как-то: воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды, — разделил между всеми поровну, как будто между братьями... И другое соделал Он общим, как-то: бани, города, площади, улицы. И заметь, что касательно того, что принадлежит всем, не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходит распря, как будто вследствие того, что сама природа негодует на то, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особенным усердием стараемся разъединиться между собою, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: “это твое, а это мое”. Тогда возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное владение (вещами), и оно более согласно с самою природою» [14, с. 704–705]. Такой принцип был положен в основу экономики православных общежительных монастырей, которые в дофеодальную (а нередко и в феодальную) эпоху экономически представляли собой не что иное, как трудовые коммуны.

Эксплуатация труда – это его присвоение в той или иной форме. «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас... Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напители сердца ваши, как бы на день заклания» (Иак 5:1–5). Плата, удержанная у работников, есть одно из типичных проявлений эксплуатации. Согласно марксизму капитал по своей природе есть не что иное, как накопленный труд, присвоенный путем изъятия прибавочной стоимости. Удержание капиталистом части платы работникам (причем работник может и не осознавать факта этого удержания) есть неперемнное условие накопления капитала. Капиталистическая экономика просто не может функционировать без такого удержания – в ее рамках это уже не вопрос свободного выбора, а принудительная необходимость. Таким образом, цитированное Соборное послание святого апостола Иакова, соотнесенное с трудовой теорией стоимости, ставит позорное клеймо на всей капиталистической экономике. Позиция апостола Иакова нашла свое отражение в святоотеческом наследии. Например, преподобный Нил Сорский отвергал эксплуатацию труда: «стяжания же, иже от чюжих трудов събираема, вносити отнюд несть нам на пользу» [20, с. 125].

В условиях капитализма прибавочный продукт распадается при распределении на предпринимательский доход, земельную ренту, торговую прибыль и ссудный процент. В конечном счете всё это – различные проявления эксплуатации труда. По поводу земельной ренты здесь уже приводились слова Василия Великого о всего трех локтях земли, ожидающих тело человека после смерти. О нечестивой торговой прибыли красноречиво повествует пророческая книга Апокалипсис, глава 18. Кроме того, в Библии отразилось негативное отношение к ростовщичеству и к господствующему сегодня в мировой экономике ссудному проценту (лихве): «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост» (Втор 23:19). Святитель Иоанн Златоуст в Беседе 56 на Евангелие от Матфея идейно громит ростовщиков: «Ты для того имеешь деньги, чтобы облегчать бедность, а не для того, чтобы утеснять ее; а ты, под видом великодушия, только увеличиваешь бедность, и продаешь милосердие за деньги... Но что еще говорят многие: “я возьму проценты, и подам бедным?” Хорошо говоришь ты, друг, – только Богу не угодны такие приношения. Не хитри с законом. Лучше совсем не подавать нищему, чем подавать приобретенное такими средствами... Займодавец никогда не наслаждается тем, что имеет, никогда не радуется об этом, да и тогда, как нарастают проценты, не веселится о прибытке, напротив, печалится о том, что рост еще не сравнился с капиталом; и прежде нежели этот несправедный рост сравнится совершенно, он старается пустить его в оборот, обращая в капитал и самые

проценты, и насильно заставляя производить преждевременные порождения ехиднины. Таковы проценты! Они более этих ядовитых животных терзают и сбегают души несчастных» [16, с. 581–583].

Таким образом, православному вероучению соответствует не безудержное стремление к своей пользе, не стремление непременно удовлетворить свой частный интерес, но стремление к пользе других людей, в конечном счете – к пользе всего общества, к удовлетворению фундаментальных общественных интересов.

3. Этический аспект

В этике как марксизм, так и патристика разделяют принцип абсолютности добра и относительности зла. И марксизм, и православную догматику отличает нравственный оптимизм. Святоотеческая идея нравственного прогресса состоит в том, что на протяжении земного пути человечества нарастают свое влияние и добро и зло, при том что добро должно победить в эсхатологической перспективе. С этой идеей весьма сходна марксова схема одновременного возрастания в человеческой предыстории и созидательного богатства человеческой сущности, и разрушительного отчуждения этого богатства. Преподобный Антоний Великий предсказывал: «Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни, и потекут вместо них в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующим знанию; любовь охладет... Но будут в то время и такие, кто окажется гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, – и зло сотворить и не сотворил (Сир 31:11), нежели тот, кто велеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей» [11, с. 122].

Патристику объединяет с марксизмом также и констатация наличия свободы морального выбора. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин писал: «Хотя благодать Божия и произвол человеческий, по-видимому, друг другу противны, но оба действуют согласно и в деле спасения нашего равно необходимы, если не хотим отступить от правил истинной веры. Когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность... Нельзя думать, что Бог не дал человеку желания и возможности делать добро; ибо иначе не дал бы ему свободной воли, если бы человек мог желать и делать только зло» [22, с. 499, 500].

Критерием нравственной истины с точки зрения православия является соответствие моральных феноменов учению Христа, а с точки зрения марксизма – их соответствие глубинным, фундаментальным интересам личности и общества [1, с. 147]. При этом вопрос о конкретном содержа-

нии указанных интересов остается в марксистской философии во многом открытым, что позволяет проследить и сознательно проводить те или иные сближения между установками марксистской и православной этики. Например, по проблеме насилия и ненасилия социальная этика православия отнюдь не является толстовской.

Таким образом, и общая философия марксизма (диалектический материализм), и марксистская социальная философия (исторический материализм), и марксистская этика являются вполне совместимыми с аутентичным православным мировоззрением в рамках единого культурного пространства.

Литература

1. *Архангельский А.М.* Курс лекций по марксистско-ленинской этике. – М.: Высшая школа, 1974. – 318 с.
2. *Василий Великий.* Беседа 7. К обогащающимся // Василий Великий. Творения: в 2 т. – М.: Сибирская благовонница, 2009. – Т. 1. – С. 630–637.
3. *Василий Великий.* Беседа 21. О том, что не должно прилепляться к житейскому, и о пожаре, бывшем вне церкви // Василий Великий. Творения: в 2 т. – М.: Сибирская благовонница, 2009. – Т. 1. – С. 711–719.
4. *Василий Великий.* Беседы на Шестоднев. Первая беседа. В начале сотвори Бог небо и землю (Быт. 1,1) // Василий Великий. Творения: в 2 т. – М.: Сибирская благовонница, 2009. – Т. 1. – С. 215–226.
5. *Василий (Кривошеин В.А.).* Богословские труды. – Н. Новгород: Христианская библиотека, 2011. – 752 с.
6. *Выжганов И.* «Теология освобождения» в Римско-Католической Церкви: история движения. Ч. 1 [Электронный ресурс] // Слово: образовательный портал. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/44804.php> (дата обращения: 12.02.2018).
7. *Выжганов И.* «Теология освобождения» в Римско-Католической Церкви: история движения. Ч. 2 [Электронный ресурс] // Слово: образовательный портал. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/44841.php> (дата обращения: 12.02.2018).
8. *Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. – СПб.: Наука, 2004. – 427 с.
9. *Дионисий Ареопагит.* О Божественных именах // Дионисий Ареопагит. Сочинения / [пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова]. Толкования / Максим Исповедник. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 207–565.
10. *Дионисий Ареопагит.* О мистическом богословии // Дионисий Ареопагит. Сочинения / [пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова]. Толкования / Максим Исповедник. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 737–763.
11. Изречения св. Антония Великого и сказания о нем // Добротолюбие: в 5 т. – 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – Т. 1. – С. 109–131.

12. *Иоанн Дамаскин*. Источник знания. – М.: Индрик, 2002. – 416 с.
13. *Иоанн Златоуст*. Беседы на Послание к ефесянам. Беседа 18 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: в 12 т. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1905. – Т. 11, кн. 1. – С. 148–155.
14. *Иоанн Златоуст*. Беседы на Первое послание к Тимофею. Беседа 12 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: в 12 т. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1905. – Т. 11, кн. 2. – С. 697–706.
15. *Иоанн Златоуст*. Толкование на Евангелие от Иоанна. Беседа XX-IX // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: в 12 т. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1902. – Т. 8, кн. 1. – С. 251–263.
16. *Иоанн Златоуст*. Толкование на святого Матфея евангелиста. Беседа 56 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: в 12 т. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1901. – Т. 7, кн. 2. – С. 572–584.
17. *Климент Александрийский*. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. – 288 с.
18. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 29. Философские тетради. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1969. – 782 с.
19. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
20. *Лурье Я.С.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлянства // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1956. – Т. 12. – С. 116–140.
21. *Попов А.С.* Философские взгляды на религию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина [Электронный ресурс] // Научный атеизм: web-сайт. – URL: <http://www.atheism.ru/old/PopAth1.html> (дата обращения: 14.02.2018).
22. *Римлянин Иоанн Кассиан*. Писания. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 800 с.
23. *Ромашко А.* О сектантском происхождении так называемого научного креационизма [Электронный ресурс] // Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского: web-сайт. – URL: <http://iriney.ru/main/polemika/o-sektantskom-proisxozhdenii-tak-nazyivaemogo-nauchnogo-kreaczionizma.html> (дата обращения: 14.02.2018).
24. *Сомин Н.В.* Климент Александрийский и свт. Иоанн Златоуст: два взгляда на богатство и собственность [Электронный ресурс] // Православный социализм как русская идея: web-сайт. – URL: http://chri-soc.narod.ru/Klim_Zlat.htm (дата обращения: 14.02.2018).
25. *Феофилакт*. Толкование блаженного Феофилакта архиепископа Болгарского на книги Нового Завета. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 2006 с.

Точка зрения автора весьма парадоксальна, и некоторые положения статьи вызывают вопросы. В редакции «Идей и Идеалов» прошло обсуждение поднятых в статье вопросов. Ниже мы публикуем отзывы о статье о. Платона и С.П. Исакова.

**Отзыв на статью
«Православная патристика
и марксистская философия:
точки пересечения»**

Введение

Актуальность темы, с точки зрения автора, вызвана необходимостью наладить между православными и коммунистами (марксистами) конструктивный мировоззренческий диалог, который должен способствовать консолидации общества, развитию единого культурного пространства. Основанием для диалога является, по мнению автора, схожесть позиций Священного Писания и православных мыслителей с положениями современного марксизма. В качестве примеров, иллюстрирующих это сходство, автор приводит ряд положений из основополагающих разделов марксистской философии, а именно: онтологии, социологии (понимания природы общества) и этики, и сопоставляет их с цитатами из Священного Писания, Святых Отцов и церковных писателей, смысл которых вполне совместим с марксистским мировоззрением.

Кажется, есть много общего. Мир, дружба! Но вот методология, примененная в статье, вызывает сильное недоумение. Не знаю, осознанно или интуитивно, автор, понимая всю сложность и неоднозначность такого примирения, отходит от марксистского конкретно-исторического подхода в данной проблеме и сопоставляет православие и марксизм совершенно абстрактно. Причем абстрагирование совершается как по отношению к марксизму, так и по отношению к православию.

Марксизм он берет не в качестве идеологии (а ведь именно в качестве идеологии марксизм был распространен в реальной истории), а в качестве научной теории, хотя научность (истинность) марксизма в соответствии с мыслью его основоположника доказывается практикой, в свою очередь, невозможной без идеологической деятельности. Но оставим проблему научности марксизма в покое. Просто отметим, что автор дистанцируется

от того марксизма, который мы знаем и помним. Предполагается, что есть какой-то другой, современный («чистый») марксизм, который уже лишен тех недостатков, которые были присущи исторически явленным формам его осуществления. И вот *этот* марксизм имеет много общего с христианством.

Абстрагирование по отношению к православию осуществляется автором через обращение к христианской патристике. Само по себе это неплохо. Впрочем, немного странно, что, пытаясь найти точки соприкосновения между ныне живущими православными и коммунистами (марксистами), автор сопоставляет взгляды отцов Церкви IV–V вв. с положениями современного (чистого) марксизма. Используя такой подход, абстрагирующийся от конкретики, можно найти сколько угодно общего между любыми достаточно сложными мировоззренческими системами. С таким же успехом можно говорить об общих чертах марксизма и буддизма и т. д. — методология это позволяет.

Теперь остановимся на содержании трех разделов: онтологии, социологии и этике.

ОНТОЛОГИЯ

В разделе об общефилософских сходствах православия и марксизма автор совершенно справедливо различает и противопоставляет идеализм и христианство. Здесь всё верно. В латинском христианстве получил распространение рационализм, особенно развившийся в период схоластики. Схоласты создали рациональную теологию, послужившую источником как западной философии Нового времени, так и науки, возникшей в XVII в. Православное мировоззрение, представленное в богословии периода патристики, впрочем, как и современное православное мировоззрение, не имеет ничего общего ни с идеализмом, ни с материализмом. Вопрос об отношении материи и сознания, считающийся в марксизме основным вопросом философии, в христианском мировоззрении вовсе никакой не основной. В православии центром всех богословских построений и утверждений является вопрос об отношении (не теоретическом, а практическом, или, лучше сказать, онтологическим) трансцендентного Бога-Творца с творением, обладающим как свойством материальности, так и свойством разумности (духовности).

Общим в плане онтологии, по мнению автора, у православия и марксизма является то, что они оба враждебны идеализму. Но эта общность рассыпается, как только мы поймем, что и идеализм и материализм, как продукты западной рациональной теологии, стоят на позициях сущностной онтологии. Бытие для них — это «чтойность» (Аристотель), субстанция (Спиноза), сущность, одним словом — природа. Православная онто-

логия принципиально иная по отношению к сущностной онтологии западной философии (не важно, идеализм это или материализм). Православная онтология персоналистична. Высшее бытие здесь не *что*, не *природа*, а *личность*, вернее, три Личности, три Лица, Бог-Троица: Отец, Сын и Дух Святой.

Когда Дионисий Ареопагит пишет о том, что Бог не существует, это необходимо понимать не как выражение атеизма, а только как выражение мысли о том, что Бог *не может быть сведен к сущности*. В этом плане природа Бога совершенно трансцендентна и непостижима. Но это не означает, что Бог непостижим как личность. Общение с Ним возможно и необходимо для человека.

Здесь другая онтология и другая гносеология. Личностная онтология раскрывается не через постижение сущности (определение), а через фиксацию принципиальной инаковости Другого и через Общение с Ним. С позиции сущностной онтологии (идеализм ли это, или материализм – неважно) личностная онтология кажется сплошным иррационализмом и мистикой. На самом деле эта онтология совершенно проста и очевидна. Что может быть очевиднее, чем сам факт существования моей собственной личности, обладающей свободой воли и разумом, и факт существования других личностей.

Тема эволюции, занимающая важное место в марксизме, в православном мировоззрении второстепенна. Может быть, Бог сотворил мир мгновенно, а может быть, были эволюционные процессы – для православия это не принципиально. Важен сам факт творения. Важно отличать Творца от твари (инаковость).

Социология

Автор нашел много общего между православием и социалистическими идеями. Тема, конечно, не новая – о христианском социализме много написано. Общим, по мнению автора, является негативное отношение к частной собственности, к погоне за наживой и к капитализму вообще. Кто спорит, капитализм – вещь нехорошая. Но лучше ли социализм? Православие смотрит на богатство не с классовой, а с нравственной точки зрения. В этом принципиальная разница с марксизмом.

Автор, делая вывод о близости православия к социализму, пишет: «Таким образом, православному вероучению соответствует не безудержное стремление к своей пользе, не стремление непременно удовлетворить свой частный интерес, но стремление к пользе других людей, в конечном счете – к пользе всего общества, к удовлетворению фундаментальных общественных интересов». Первая часть фразы – правда. Вторая (о стремлении к пользе других людей) – неправда. Православное мировоззрение не

ставит целью материальное благополучие общества, хотя оно и не против него. С точки зрения православия это вообще не важно. Польза для человека – в общении с Богом. То, что мешает этому общению, должно быть удалено самим человеком. Богатый должен *сам* раздать свое имение. Если он подвергнется экспроприации, никакой пользы для него не будет. Если же воспримет это насильственное лишение собственности как промысел Божий и смирится, то получит большую пользу.

Этика

Никакой идеи нравственного прогресса, насколько мне известно, в патристике и вообще в православии нет. Преображение (возрождение) личности – вот и весь «прогресс». Прогресс нравственный может быть только в конкретной жизни человека, в его личной судьбе: в его движении от греха к святости. В плане исторического нравственного прогресса – «ученик не выше своего учителя». Какой уж тут прогресс?

По поводу абсолютности добра и относительности зла: может быть, в теории марксизм и признает абсолютность добра, но исторический марксизм культивировал классовый подход к морали, заменяя абсолютность добра классовой целесообразностью. И не только в революционный период – и позже, в мирное время абсолютное добро заменялось потребностями общества, а это тоже релятивизм.

Выводы

Мы видим, что из всех общих моментов, отмеченных Ю.В. Лоскутовым, мало что остается. Импонирует его стремление к диалогу и взаимопониманию между православием и марксизмом. Но, на мой взгляд, взаимопонимание и взаимоуважение, социальная консолидация не могут возникнуть между *православием* и *марксизмом* как мировоззрениями. Они могут появиться между *православным* и *марксистом*, когда они начинают относиться друг к другу по-человечески, т. е. начинают видеть носителя абсолютного добра друг в друге.

Флах Сергей Вильгельмович (о. Платон), кандидат философских наук, заведующий кафедрой миссиологии Новосибирской православной духовной семинарии.

«Сближение идей далековатых» – размышления после прочтения статьи Ю.В. Лоскутова

«Основным тезисом данной статьи, – утверждает Ю.В. Лоскутов, – является утверждение принципиальной совместимости в рамках теории и практики реального гуманизма двух самостоятельных духовных начал – православной патристики и современного материализма, выраженного в марксистской философской традиции». Эта заведомо парадоксальная постановка вопроса заставляет задуматься об основах наших мировоззренческих установок, что само по себе важно и ценно. Но парадоксальность высказанных автором суждений достигает столь высокого градуса, что невольно провоцирует читателя на дискуссию, так что автор, говоря о необходимости диалога, своей цели добился. Но что это за диалог?

Я бы выделил в статье несколько спорных (или намеренно провокационных?) аспектов:

- стороны, выбранные для анализа;
- вопросы, выбранные для выяснения позиций сторон;
- способ аргументации (не доказательство, а иллюстрация);
- аргументы, подтверждающие точку зрения автора.

Автор сопоставляет взгляды Святых Отцов Церкви – православную патристику – и тезисы марксистской философии. Обращение к патристике в *таком* контексте было бы оправданным, если автор считает, что *только это* православие – подлинное, а современные православные писатели всё исказили (но автор, судя по всему, так не считает). Либо если Святые Отцы решали те же вопросы, которые волнуют марксистов сегодня, а позднейшие богословы занялись чем-то другим (но и это точно не так). Либо – и это самое правдоподобное объяснение – если автор, читая (изучая) труды Святых Отцов, заметил сходство некоторых утверждений с тезисами вузовских курсов диамата¹ и истмата и собрал коллекцию таких «далековатых сближений». За это говорит и само название статьи Ю.В. Лоскутова – «Православная патристика и марксистская философия: точки взаимопересечения».

Об этом свидетельствует и выбранный способ аргументации. Если К. Поппер считал, что теория/гипотеза ошибочна/неверна, если найдется хоть один факт, достоверно ее *опровергающий* (сколько бы ни было найдено *подтверждений*), то автор использует прием прямо противоположный: тезис считается обоснованным, если найдено хотя бы одно утверждение,

¹ Замечание насчет вузовских курсов неслучайно: как и патристика, марксизм есть сумма идей, принадлежащих разным авторам. Маркс, Энгельс, Бернштейн, Ленин, Сталин, Мао, Грамши и, наконец, Ильенков и акад. Федосеев исповедовали *разный* марксизм, а марксизм «вообще» можно найти только в учебнике или энциклопедии.

соответствующее (или хотя бы не противоречащее!) высказанному предположению.

Легко показать, что эти примеры ничего не *доказывают*; еще легче заметить натяжки, с помощью которых автор сближает заведомо несходные положения. Например: «Патристика провозглашает, что Бог не существует в качестве материального либо идеального предмета, ибо Творец – не тварь. Таким образом, с православной точки зрения атеизм снят и обезоружен православной апофатикой, представляя собой всего лишь мировоззренческую “изнанку” последней». Или когда автор усматривает «зачатки исторического материализма» в высказывании преподобного Иоанна Дамаскина: «Сам действующий и поступающий человек есть начало своих собственных действий... Сверх того, если человек не есть начало никакого деяния, то напрасна способность советоваться... Ибо всякое совещание происходит ради действия». Или когда обосновывает, что эволюционизм не противоречит Библии: «Каким конкретно образом, через какие эмпирически достоверные конкретные этапы произошел генезис человека – это вопрос, который Писание, не будучи научным трактатом, оставило открытым для научной интерпретации». А как быть с ребром Адама и слепленными из праха людьми? Конечно, аллегорически можно перетолковать всё что угодно, но сотворение и эволюционное развитие – вещи принципиально разные.

Но стоит вспомнить подзаголовок статьи – «точки взаимопересечения», и всё становится на свои места. Да, патристика и марксизм – очень далекие друг от друга «духовные начала», они возникли в разное время, в ответ на разные вызовы, и линии их развития лежат в разных плоскостях. Но создатели этих «духовных миров» пытались ответить на во многом схожие мировоззренческие вопросы, поэтому в узловых точках «вечных вопросов бытия и сознания» эти линии пересекаются – и эти-то пересечения автор и суммирует.

Если бы Ю.В. Лоскутов на этом остановился, получилась бы добротная литературоведческо-культурологическая статья. Однако отмеченные пересечения – лишь трамплин, оттолкнувшись от которого он пытается обосновать «реальную совместимость» несовместимого. Соглашаясь с тем, что «невозможно создать православно-марксистский мировоззренческий “гибрид”», он утверждает, что «и общая философия марксизма (диалектический материализм), и марксистская социальная философия (исторический материализм), и марксистская этика являются вполне совместимыми с аутентичным православным мировоззрением в рамках единого культурного пространства». Далее следует великолепный пример обоснования такой совместимости: «согласно апостолу Павлу (Рим 11:33), пути Бога “неисследимы” (т. е. они не могут быть исследованы, ибо нельзя даже увидеть их след). А раз они не-

исследимы, то самым адекватным и благочестивым объяснением исторического процесса является для современного христианина такое, где пути Господни не затрагиваются никак, т. е. объяснение, соответствующее историческому материализму». Это удивительная логика; если ей следовать, самым благочестивым будет вообще забыть о Боге, ибо пути Его неисследимы и в этике, и в онтологии, и в аксиологии (далее везде).

Но ведь «взаимопересечение» не обязательно предполагает *совпадение*. Если линии идут в разных плоскостях, то сходство позиций по одним и тем же пунктам – лишь кажущееся. Дьявол кроется в деталях, и как только *пересечение* автор начинает трактовать как *сходство* (и даже *совпадение*), смысловые несоответствия сразу проявляются, и это провоцирует читателя на опровержение. Конечно, это тоже форма диалога, но какого-то антагонистического. Отец Платон высказал возражения со стороны православия; уверен, что ничуть не менее острые возражения были бы высказаны и правоверным марксистом (если предположить, что такие еще остались).

В социально-философских вопросах пересечений действительно много, но это пересечения двух *разных* линий. Одни и те же этические и аксиологические вопросы православие и марксизм решают принципиально по-разному (что автор прекрасно понимает и сам): смирение vs борьбы, оправдание власти vs революции, личное спасение vs классовой борьбы и т. д. Наверное, можно говорить о том, что сами марксистские идеалы проросли из идеалов раннего христианства (или имеют общие корни в общественных инстинктах гомо сапиенс) – но направленность идеологий, отношение к социальным проблемам у марксизма и у православия совершенно разные.

Однако мне кажется, что Ю.В. Лоскутов писал свою статью не для того, чтобы обратить внимание читателей на неожиданные пересечения понятий. Пафос его статьи в следующих словах: «И православие, и марксизм имеют всемирно-историческое значение, но так исторически сложилось, что свою особую актуальность они обрели в русской духовной культуре. Конфронтация между аутентичным православием и марксизмом – это разрыв русского культурного пространства, болезненное травмирование русской духовности, искусственное и во многом неоправданное изолирование друг от друга ее смыслообразующих полюсов, чреватое мировоззренческим расколом нашего народа. В конце концов, православные и марксисты должны научиться мирному сосуществованию после их трагических конфликтов друг с другом, случившихся в отечественной истории. Отказ от перманентного неприятия религии ясно вытекает из марксистского требования конкретно-исторического подхода к надстроечным социальным явлениям, в том числе и к религиозным».

Странно читать это спустя 25 лет после крушения советской власти. Марксизм как «самостоятельное духовное начало» потерпел в России сокрушительное интеллектуальное и идеологическое поражение и на сегодня является почти маргинальным мировоззрением. Автор убеждает читателей, что православие не противоречит марксизму, что в основных вопросах Отцы Церкви мыслили вполне по-марксистски. Но в сегодняшней России как раз марксисты должны убеждать православных, что Маркс и его последователи разделяли христианские идеалы, что закономерности исторического развития подтверждают христианский тезис о том, что «всякая власть от Бога», что атеизм есть своеобразное проявление апофатки, а волны звукового диапазона, предполагаемые некоторыми физиками в первые секунды «Большого взрыва», это след от знаменитого «Да будет свет!» (и вопрос только в том, на каком языке это было произнесено).

Можно спорить или соглашаться с тем, что православие сходно с марксизмом – но гораздо важнее то, что ни той ни другой стороне диалог не нужен². Конкретные православные люди и марксисты (некоторых фракций) могут разделять те или иные идеи друг друга или даже совмещать их в своем мировоззрении; более того, в конкретной политической деятельности коммунисты всё чаще оказываются с православными «в одной лодке». Но «мировоззренческий раскол нашего народа» сегодня проходит по совершенно другим линиям, поэтому актуальность примирения закадычных врагов «сильно преувеличена». Наверное, с эсеровской идеологией пересечений у православия было бы еще больше, но кого это сегодня интересует?

Исаков Сергей Петрович, Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ», Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56.

Статья поступила в редакцию 01.07.2017 г.

Статья прошла рецензирование 14.08.2017 г.

² Об этом с горечью говорили участники круглого стола «Церковь и общество в современной России: возможность диалога» // Идеи и Идеалы. ISSN 2075–0862. – 2016. – № 4. – Т. 1. – С. 156–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2016-4.1-156-179>.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-115-140

ORTHODOX PATRISTICS AND MARXIST PHILOSOPHY: POINTS OF INTERSECTION

Loskutov Yuri,*Cand. of Sc. (Philosophy),**Associate Professor of the Philosophy**Department of Perm State University,**15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-4678-3357

yuri-loskutov@mail.ru

Abstract

The article compares the views of the Orthodox patristics with the philosophy of Marxism. (The author considers the content of the Marxist philosophical theory, but not its ideology). This comparison takes place in three key aspects: general philosophical (the basic question of philosophy, theory of evolution), socio-philosophical (the basic question of social philosophy, private and public property, exploitation of labor) and ethical (freedom of moral choice, moral progress). Patristics is less known if compared with Marxism, that's why the author focuses his attention on the presentation of its ideas in the given article. He shows that in patristics and Marxism there are many common (or at least compatible) philosophical theses. The article preferably considers these "points of intersection". The author comes to the conclusion that Orthodox theology, not being a philosophical ontology, goes beyond philosophical partisanship. It is also shown that the patristic heritage contains provisions incompatible with the class character of society, and above all with private property and exploitation of labor. The conclusion is that the general philosophy of Marxism (dialectical materialism), Marxist social philosophy (historical materialism) and Marxist ethics are compatible with the authentic Orthodox world view (not as a special religious-philosophical "hybrid", but in the format of an intellectual dialogue) in a single cultural space. This conclusion is of great theoretical and practical significance in the theory and practice of real humanism, it allows to establish a constructive ideological dialogue between different parts of Russian society.

Keywords: Patristics, Orthodox, Marxism, evolutionism, property, labor exploitation, morality

Bibliographic description for citation:

Loskutov Yu.V. Orthodox Patristics and Marxist philosophy: points of intersection. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 2, pp. 115–140. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-115-140. (In Russian).

References

1. Arkhangel'skii L.M. *Kurs lektzii po marksistsko-leninskoi etike* [A course of lectures on Marxist-Leninist ethics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 318 p.
2. Vasiliu Velikii. Beseda 7. K obogashchayushchimsya [Conversation 7. Towards enriching]. Vasiliu Velikii. *Tvoreniya*. V 2 t. T. 1 [Tractates. In 2 vol. Vol. 1]. Translation from the ancient Greek]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 630–637.
3. Vasiliu Velikii. Beseda 21. O tom, chto ne dolzhno prileplyat'sya k zHITEISKOMU, i o pozhare, byvshem vne tserkvi [Conversation 21. About what should not stick to the everyday, and about the fire that was outside the church]. Vasiliu Velikii. *Tvoreniya*. V 2 t. T. 1 [Tractates. In 2 vol. Vol. 1]. Translation from the ancient Greek]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 711–719.
4. Vasiliu Velikii. Besedy na Shestodnev. Pervaya beseda. V nachale sotvori Bog nebo i zemlyu (Byt. 1,1) [Conversations on Shestodnev. The first conversation. In the beginning, God created heaven and earth (Gen. 1,1)]. Vasiliu Velikii. *Tvoreniya*. V 2 t. T. 1 [Tractates. In 2 vol. Vol. 1]. Translation from the ancient Greek]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 215–226.
5. Vasiliu (Krivoshein V.A.). *Bogoslovskie trudy* [Theological works]. Nizhnii Novgorod, Khristianskaya biblioteka Publ., 2011. 752 p.
6. Vyzhanov I. “Teologiya osvobozhdeniya” v Rimsko-Katolicheskoi Tserkvi: istoriya dvizheniya. Ch. 1 [“Theology of liberation” in the Roman Catholic Church: the history of the movement. Pt. 1]. *Slovo: obrazovatel'nyi portal* [Word: educational portal]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/theology/44804.php> (accessed 12.02.2018).
7. Vyzhanov I. “Teologiya osvobozhdeniya” v Rimsko-Katolicheskoi Tserkvi: istoriya dvizheniya. Ch. 2 [“Theology of liberation” in the Roman Catholic Church: the history of the movement. Pt. 2]. *Slovo: obrazovatel'nyi portal* [Word: educational portal]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/theology/44841.php> (accessed 12.02.2018).
8. Grigorii Palama. *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh* [Triads in defense of the sacred-silent]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 427 p.
9. Dionisii Areopagit. O Bozhestvennykh imenakh [About the Divine Names]. Dionisii Areopagit. *Sochineniya*. Maksim Ispovednik. *Tolkovaniya*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002, pp. 207–565.
10. Dionisii Areopagit. O misticheskom bogoslovii [About mystical theology] // Dionisii Areopagit. *Sochineniya*. Tolkovaniya Maksima Ispovednika. – SPb.: Aleteiya Publ.; Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2002. [Translation from the ancient Greek] – pp. 737–763. (In Russian).
11. Izrecheniya sv. Antoniya Velikogo i skazaniya o nem [The sayings of St. Anthony the Great and the tale of him]. *Dobrotolyubie*. V 5 t. T. 1 [Tractates. In 5 vol. Vol. 1]. 4th ed. Moscow, Sretenskii monastyr' Publ., 2010, pp. 109–131.
12. Ioann Damaskin. *Istocchnik znaninya* [Source of knowledge]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 416 p.

13. Ioann Zlatoust. Besedy na Poslanie k efesyanam. Beseda 18 [Conversations on the Epistles to the Ephesians. Conversation 18]. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatoustsa, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. V 12 t. T. 11, kn. 1 [John Chrysostom. Tractates. In 12 vol. Vol. 11, bk. 1]. St. Petersburg, St. Peterburgskaya dukhovnaya akademiya Publ., 1905, pp. 148–155.

14. Ioann Zlatoust. Besedy na Pervoe poslanie k Timofeyu. Beseda 12 [Conversations on the First Letter to Timothy. Conversation 12]. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatoustsa, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. V 12 t. T. 11, kn. 2. [John Chrysostom. Tractates. In 12 vol. Vol. 11, bk. 2]. St. Petersburg, St. Peterburgskaya dukhovnaya akademiya Publ., 1905, pp. 697–706.

15. Ioann Zlatoust. Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna. Beseda XXXIX [Commentary on the Evangel of John. Conversation XXXIX]. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatoustsa, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. V 12 t. T. 8, kn. 1 [John Chrysostom. Tractates. In 12 vol. Vol. 8, bk. 1]. St. Petersburg, St. Peterburgskaya dukhovnaya akademiya Publ., 1902, pp. 251–263.

16. Ioann Zlatoust. Tolkovanie na svyatogo Matfeya evangelista. Beseda 56 [Commentary on St. Matthew the Evangelist. Conversation 56]. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatoustsa, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. V 12 t. T. 7, kn. 2 [John Chrysostom. Tractates. In 12 vol. Vol. 7, bk. 2]. St. Petersburg, St. Peterburgskaya dukhovnaya akademiya Publ., 1901, pp. 572–584.

17. Kliment Aleksandriiskii. *Uveshchevanie k yazychnikam. Kto iz bogatykh spasetsya* [The exhortation to the Pagans. Who among the rich will be saved]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2006. 288 p.

18. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 29. *Filosofskie tetradi* [Complete Works. Vol. 29. Philosophical notebooks]. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 782 p.

19. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 959 p.

20. Lur'e Ya.S. Kratkaya redaktsiya "Ustava" Iosifa Volotskogo – pamyatnik ideologii rannego iosiflyanstva [A short edition of the "Charter" of Joseph Volotsky – a monument to the ideology of early Josephification]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury – Transactions of the Department of Old Russian Literature*, 1956, vol. 12, pp. 116–140.

21. Popov A.S. Filosofskie vzglyady na religiyu K. Marksa, F. Engel'sa, V. Lenina [Philosophical views on the religion of K.Marx, F.Engels, V.Lenin]. *Nauchnyi ateizm* [Scientific atheism]: website. Available at: <http://www.atheism.ru/old/PopAth1.html> (accessed 14.02.2018).

22. Rimlyanin Ioann Kassian. *Pisaniya* [Scriptures]. Minsk, Kharvest Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 800 p.

23. Romashko A. O sektantskom proiskhozhdenii tak nazyvaemogo nauchnogo kreationsizma [On the sectarian origin of the so-called scientific creationism]. *Tsentri religiovedcheskikh issledovaniy vo imya svyashchennomuchenika Irineya Lionskogo* [Center for religious studies in the name of the Holy Martyr Irenaeus of Lyons]: website. Available

at: <http://iriney.ru/main/polemika/o-sektantskom-proisxozhdenii-tak-nazyivaemogo-nauchnogo-kreaczionizma.html> (accessed 14.02.2018).

24. Somin N.V. Kliment Aleksandriiskii i svt. Ioann Zlatoust: dva vzglyada na bogatstvo i sobstvennost' [Clement of Alexandria and St. John Chrysostom: two views on wealth and property]. *Pravoslavnyi sotsializm kak russkaya ideya* [Orthodox socialism as a Russian Idea]: website. Available at: http://chri-soc.narod.ru/Klim_Zlat.htm (accessed: 14.02.2018).

25. Feofilakt. *Tolkovanie blazhennogo Feofilakta arkiepiskopa Bolgarskogo na knigi Novogo Zaveta* [Interpretation of Blessed Theophylact of Archbishop of Bulgaria in New Testament Books]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 2006 p.

The article was received on July 1, 2017.

The article was reviewed on August 14, 2017.